Фрейндлих Алиса 31.01.2002

Персона

Алиса ФРЕЙНДЛИХ:

От нас останется легенда

ИТАР—ТАСС

Алиса Фрейндлих — лауреат премии «Золотая маска» 2000 года

Тень профессии

— Алиса Бруновна, вы стали обладательницей премии «Триумф», хотя триумф, слава пришли к вам давно. Вы измеряете успех премиями?

— Нет, конечно. Хотя это не значит, что они мне безразличны. Пока мы есть на сцене и в кадре, мы существуем в этом мире. Но театральное дело эфемерно, и когда мы сходим со сцены, нам остается память, материализованная в премиальных статуэтках. А от нас, от лучших из нас, остается легенда... Такие поощрения — будь то премия или звание — стимулируют, дают импульс к преодолению дальнейшего пути. И обязывают не снижать планку — они в помощь внутреннему цензору. Что касается «Триумфа», то и в жюри, и среди людей, в разные годы эту премию получивших, такие имена, что встать с ними в ряд более чем приятно. Закрадывается впечатление, будто действительно что-то собой представляешь *(смеется)*.

— Не ожидала от вас кокетства...

— Почему кокетство?! У меня было и есть ощущение, что я нужна, что меня с удовольствием смотрят в театре и на экране. Не ради моей же прихоти это делается! Но когда это признание подтверждено синклитом людей, которых я бесконечно ценю, формируется и самоуважение.

— Вы сторонитесь так называемой богемной тусовки. Оберегаете себя или вам там попросту неинтересно?

— Я особенно и не пробовала туда проникать, так что в полной мере не могу судить — интересно или нет. Но в любом случае, мне кажется, «тусовка» — это спектакль, хороший или плохой. А я так устаю, что мне не хочется трудиться не по существу. Это ведь тень профессии, именно тень, а не отблеск. Лучше быть самой собой, чем тенью. Но это мое субъективное восприятие, я отнюдь не считаю, что так, как я, должны вести себя все. И не поймите меня превратно — я вовсе не отношусь к тому, что называется тусовкой, неуважительно. Есть люди, которые чувствуют себя там легко и приятно. Я человек застенчивый, потому пребывание в шумном, блестящем сообществе для меня тяжкий труд, преодоление. Вот и сторонюсь. Из соображений экономии сил и эмоций.

— Но за эту удаленность от шумных сборищ вас иногда упрекают в петербургском снобизме.

— Вот как?! Снобизм не бывает петербургским, московским или каким-то другим. Он просто снобизм — вещь очень неприятная. У петербуржцев есть, быть может, некоторая отстраненность, несмешиваемость что ли. Но разве это плохо? А о петербургском снобизме — я сейчас не себя защищаю — говорят те, кто Петербург не понимает, не любит и ревнует к его необычности, в том числе духовной. Моя же нелюдимость, наверное, это обратная сторона публичной профессии. И в частную жизнь тащить публичность не хочется.

— Понятия «популярность» и «модность» для вас синонимы?

— Нет. Мода скоротечна, это такая бабочка-однодневка. Популярность тоже ускользающая величина, но все же более стабильная. И она все-таки греет, хотя порой и тяготит.

— Жизнь профессиональная и личная в вашем случае разве не сообщающиеся сосуды?

— Еще как сообщающиеся. Просто если профессия публичная, то в жизни еще больше хочется закрыть створки. Иначе все превращается в сплошной спектакль. А так растрачиваться нельзя: когда наступает момент мобилизации всех ресурсов, душевных и физических, — а у актера это может произойти неожиданно и в любой момент, — сил уже попросту не будет. Такое бессилие может сломать кого угодно.

Театр без героя

— Вам комфортно в нынешнем БДТ имени Товстоногова?

— БДТ сопротивляется распаду, как только может. Он в обезглавленном состоянии и до сих пор преодолевает то, что случилось двенадцать лет назад (смерть Г.А. Товстоногова. — *Ю.К.)*. Может, за такой большой срок уже пора бы найти путь к новой жизни. Но для этого в театр должен прийти лидер, новый герой. А когда в театре несколько десятилетий был такой герой, как Товстоногов, неимоверно тяжело представить себе кого-то другого. И вспаханная им нива остается пустой.

— Простите, но со временем эта нива порастает быльем и сорной травой...

— Не без этого, увы. Но убеждена: любой «промежуточный» режиссер нам не поможет. Надо сделать долгий-долгий выдох, ибо вдох был чрезвычайно глубок. Тоже сообщающиеся сосуды. Сильный режиссер, появившись, вспашет поле.

— Товстоногов начал резко — с увольнения «балласта», удельный вес которого в теперешнем БДТ, будем откровенны, не мал.

— Будем откровенны. Но он уже был Товстоноговым и имел право на «санацию». Сейчас такого режиссера для нас нет.

— Но сейчас в БДТ вы не востребованы?

— И чувствую себя неспокойно. Знаю, что времени осталось немного, и уходит оно с таким ускорением, что я не успеваю заметить, куда ускользают часы и месяцы. Мне жаль... Но каждую паузу я стараюсь заполнить работой вне театра. Непростительно большая, обидная пауза — три года — у меня была после «Макбета». (В этом спектакле БДТ Фрейндлих играет леди Макбет. — *Ю.К.)*. Три года у меня не было ни одной новой работы в моем театре. Но я сделала поэтический моноспектакль «Гори, гори, моя звезда». И поработала с Виктюком в его «Осенних скрипках». Сейчас опять, после «Калифорнийской сюиты», больше двух лет в БДТ у меня пустота.

— Но вы же отказались от роли Гурмыжской в «Лесе», который ставил Адольф Шапиро?

— Да, я сама попросилась с роли: поняла, что не идет. За это время я ничего не успела сделать. Последние полгода вообще ушли впустую — я сломала ногу и только теперь перестала хромать.

Ностальгия

— Вы сказали как-то, что в БДТ для души играете только одну роль — Аманды в старом, еще товстоноговского времени, «Стеклянном зверинце». Довольно неожиданно, ведь и пьеса, и героиня «слезоточивые».

— Просто пьеса очень попала в наше время, срифмовалась с ним. Этакая, знаете ли, депрессия. Потому «Стеклянный зверинец» и сейчас есть в нашем репертуаре. Это такая хорошая ностальгия. Ее нужно прочувствовать — во всяком случае, я ее так воспринимаю.

— Вы подвержены депрессиям?

— Коротко. Я борюсь, искусственно себя взбадриваю.

— Вам знакомо ощущение одиночества или одиночества вдвоем?

— Одиночества вдвоем — нет. Я была замужем трижды, но первый брак, еще в студенческие годы, оказался столь скоротечным, что я даже не успела понять, что это за институт такой — брак. Другие два брака от ощущения одиночества избавляли. С Игорем Владимировым мы прожили трудную, но очень насыщенную жизнь. А в моем творческом становлении встреча с ним вообще самая большая удача. Он меня сформировал, все лучшее я сделала при нем. Если испытывала одиночество, то желанное. Это как глоток воды, как медитация, нужная любому человеку, тем более — творческому.

— Вся страна знает вас по кино. Коль вы упомянули про ностальгию — по кино вы не ностальгируете?

— Для кино я в принципе человек пришлый. Мое — это театр. Там я начиналась. Но по кино, конечно по хорошему кино, скучаю. Не снималась, наверное, уже лет восемь. Но это не значит, что не приглашают. Вот Эльдар Александрович (Рязанов. — *Ю.К.)* дважды предлагал сняться. Отказалась. Почему? Назову такую причину: была занята в театре. А еще предлагали телевизионные, но малоинтересные сценарии. Но вот появился один симпатичный. Только что снялась в двухсерийном фильме у Эльдара Разбаева на студии имени Бондарчука. Курирует проект Станислав Говорухин.

— Отказаться от предложения Рязанова и принять предложение Говорухина — выбор, прямо скажем, неординарный.

— Мне понравился сценарий: это милый детектив, со всей откровенностью сделанный под «мисс Марпл» в отечественном варианте. Я играю главную роль, а фильм появится на каком-то из центральных каналов к 8 Марта.

Родная кровь

— Когда вам присудили звание «Почетный гражданин Санкт-Петербурга», от имени городских властей вас поздравлял зять — председатель городского Законодательного собрания Сергей Тарасов. Политика в буквальном смысле вошла в ваш дом. Вы ею интересуетесь?

— Я в ней ничего не понимаю. Новости смотрю, слежу за событиями, но не анализирую и не систематизирую. Голосовать из чувства долга, как законопослушный гражданин, хожу. Но потом они все, избранники наши, куда-то ускользают, за деятельностью их не уследишь. Или она, их деятельность, незаметна? А с Сережей о политике мы не говорим — есть другие темы.

— Если на вашего зятя наскакивает пресса, а это происходит перманентно, как вы к этому относитесь?

— Советов не даю, но считаю: проанализируй и сглотни.

• БЛИЦОПРОС

— Какие города вы больше всего любите?

— Лондон и Таллин. За их неповторимость. Но Петербург, конечно, на первом месте, потому никогда никуда не хотела уезжать отсюда.

— Ваше самое любимое блюдо?

— С детства люблю грибы — всегда, в любом виде.

— А любимый напиток?

— Вода и кампари с соком.

— Что вам нравится читать или перечитывать?

— Когда есть время перечитываю классику нашу и зарубежную. Сейчас, например, Манна.

— Какие вопросы вы не любите?

— Те, которые задают, увы, слишком часто: о любимом режиссере и лучшей роли.

Поклонники и таланты

— Вы хорошая теща?

— О-о, это надо спросить у Сергея. Но вообще у нас хорошие отношения, хотя — издалека. Потому что он жутко занят. Он и дома-то — издалека.

— Вы не интересуетесь политикой, но было время, когда политика интересовалась вами, не так ли?

— А как же. Когда мне хотели дать звание народной артистки СССР, позвали в райком и предложили вступить в партию. Я вытащила нательный крест и спросила: «А с этим что мне делать?» И первый секретарь райкома, оказавшийся очень порядочным человеком, сказал: «Это убедительно» и отпустил меня. Я решила, ну, без звания помру. А он все-таки «протащил» меня, закрыв глаза на беспартийность. (Этот райкомовец ныне — директор Российской национальной библиотеки. — *Ю.К.)*

— Вы были верующим человеком в советское время. Сами пришли в церковь или родители крестили?

— Я крещена в лютеранской церкви: бабушка крестила по секрету от комсомолки-мамы. Потом, уже совсем взрослой, я крестилась вторично — в православную веру. Просто кирх не было в Ленинграде, они были закрыты, и я ходила в православный храм. А теперь они открылись, слава богу, ну не креститься же мне в третий раз! Я не религиозный человек, я — верующий.

— У вас немецкие корни. Вы знаете свою родословную, немецкий язык?

— Немецкого, к сожалению, не знаю. А родословную — да. Появились мои предки в Петербурге в екатерининские времена. Вот только в советское время о происхождении говорить было трудно, заниматься генеалогией невозможно. Все жило только в памяти. Мой отец многое помнил, но теперь, увы, настолько стар, что диалог с ним уже невозможен. Сестра отца, Догмара Артуровна, умерла в декабре, но успела все-таки наговорить на диктофон воспоминания. Знаете, только недавно нам стало известно, что в старой кирхе на Кирочной улице в книгах сохранились акты венчаний моих деда и бабки, прабабки и прадеда, конфирмации моей тетки.

— А ваша семья пострадала от репрессий по национальному признаку?

— Брат отца был расстрелян, Догмара Артуровна прошла через лагеря, многие наши родственники были сосланы в Сибирь, в Казахстан. Кое-кто даже осел навсегда в Воркуте.

• СПРАВКА «ИЗВЕСТИЙ»

Алиса Фрейндлих родилась 8 декабря 1934 года в Ленинграде, в семье известного актера Бруно Фрейндлиха. В 1957 году окончила Ленинградский театральный институт им. А.Н. Островского и поступила в Ленинградский драматический театр имени В.Ф. Комиссаржевской. С 1961 года — актриса академического Театра имени Ленсовета, а с 1983-го — БДТ имени М. Горького (с 1992 года — им. Г.А. Товстоногова). Лауреат Государственной премии РСФСР им. К.С. Станиславского (1976), народная артистка СССР (1981), лауреат премии «Ника» в номинации «Роль второго плана» (1994), премии «Кумир» в номинации «Кумир года» (2000), премии «Золотая маска» в номинации «За честь и достоинство» (2000) и премии «Триумф» (2001).

Дочки-матери

— Варя, ваша дочь, сказала: «Если бы не родители, я, возможно, была бы хорошей актрисой».

— Ей, конечно, помешали мы. Хоть она и оказалась зараженной театральным вирусом: мы с Владимировым пропадали в театре сутками, и она была около нас. Но в Варе не сформировалось той страсти, которая необходима для постижения призвания. В ней нет той свободы и одержимости профессией, без которой в нашем деле никуда. Она пошла в театральный институт добровольно, от меня даже скрыв, что подала документы на актерский факультет. Но с первого же курса института ее сравнивали. Это мешает и бьет по самолюбию. Варя поступила на курс к Падве, но отец, Игорь Владимирович, перевел ее к себе — насильно. Я все-таки жалею, что она не стала актрисой.

— То, что не сделала Варя, — это свидетельство силы или слабости?

— Она думала, что поступила правильно, не пойдя в театр. Ее ведь отец звал к себе, в Театр Ленсовета. Она отказалась, и они года два потом из-за этого не разговаривали. Варя не хотела мучительного шепотка сравнений. А потом родились дети, началась семейная жизнь. Сейчас ей 33 года, и она понимает, что еще никак себя не реализовала, пытается восполнить упущенное. Начинает пробоваться в кино. В ней есть чувство правды. Ничего не упущено, кроме профессии. Время, когда нужно было успеть сформироваться, боюсь, ушло.

— Вы не считаете, что упустили ее?

— Я действительно страшно много работала. И Игорь Владимиров тоже. Но, к счастью, ничего не «упустилось». Даже не знаю, как это получилось... Варя очень хороший человек. Другое дело, что я не успела как мать насладиться ею, когда она была ребенком. Вот она как раз пошла совсем по другому пути — она вся в семье, занимается детьми.

— Вам нравится быть бабушкой?

— Очень. Хотя я провожу мало времени с внуками. Так что в этом смысле хорошей бабушкой меня, наверное, не назовешь.

— Но ведь «хорошесть» измеряется не только количеством времени, но и его качеством.

— Тогда я, наверное хорошая бабушка. Я очень внимательно отслеживаю девятилетнего Никиту и семилетнюю Анечку. Они славные и очень разные. Никита страшно остроумный в свои девять лет, хотя порой ставит нас в тупик своей остроязыкостью. Аня помягче, поспокойнее. Но у обоих есть некая, еще неосознанная тяга к лицедейству, к театру. Может, что-нибудь и получится, если с возрастом не растворится, если сформируется необходимое чувство правды и та самая одержимость, о которой я говорила. Но я совсем не собираюсь на них давить или искусственно пестовать эти качества. Пусть сама жизнь покажет.

— Никита и Аня знают, что бабушка — знаменитая актриса?

— Я никогда этим не интересовалась — понятия не имею. Мне интересно быть просто бабушкой. Это тоже очень интересная и трудная профессия.

Юлия КАНТОР,
Санкт-Петербург

• ПРЕСС ПРЕССЫ

«Фрейндлих играла судорожно. Она всю жизнь была блондинкой арбузовской мелодрамы, безгрешной кокеткой с тяжким горем на сердце и незаметной жизнью. И солисткой ленсоветовского хора. В ДТ и первое, и второе отпадало. Жанр Фрейндлих на основательных подмостках не выживал, сминался плотностью товстоноговского спектакля... С тех пор Товстоногов нашел способ вернуть актрисе присутствие духа, смелость, а городу вернуть актрису... А тогда (в 1984-м, в спектакле «Киноповесть с одним антрактом»), сколько бы ни закрывали глаза на тщету соединенных усилий режиссера и актрисы — ничто не помогало, блондинка успеха не имела».

«Премьеры Товстоногова», М., издательство «Артист. Режиссер. Театр», 1994 г.

«Ее искусство изнутри одухотворено, слова не нужны. Фрейндлих умеет использовать молчание в той же мере, что и текст роли, ее знаменитые паузы содержательнее иных монологов».

«Культура», 11.05.97 г.

«Алиса Фрейндлих — признанная прима нашего города. Как же мало она делает в последние годы в театре и кино. Как же много она может сделать!».

«Петербургский телезритель», 02.03.98 г.

«Алиса Фрейндлих, как Сикстинская мадонна, — столько лет нравится абсолютно всем, что сегодня уже имеет право сама выбирать, кому нравиться, а кому нет. Она принадлежит к той редкой категории актрис, которые овладевают своей публикой не только потому, что очень талантливы. В ней ощущается нечто волшебное, что звучит как колокольчик, что слышит, быть может, не каждое ухо. Но всякий, кто слышал, шел на зов этого колокольчика как завороженный. Этот зов, этот хрустальный звон — магическое обаяние личности, которое только актерским даром не объяснишь».

«Санкт-Петербургские ведомости», 08.12.99 г.

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Идентификация: 1 — внук Никита, 2 — бабушка Алиса, 3 — внучка Аня